



www.volsu.ru

ПРОБЛЕМЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.18>

UDC 93/94+172.4+355.01

LBC 63.3(2)6+66.77

Submitted: 02.11.2023

Accepted: 30.03.2024

PACIFISM IN SOVIET SOCIO-POLITICAL THOUGHT: FROM HOSTILITY AND NON-RECOGNITION TO ACCEPTANCE AND APPROVAL¹

Nikolay Yu. Nikolaev

Volzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volzhsky, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers the evolution of the concept of “pacifism” in Soviet socio-political thought. The stages in the assessments of pacifism by the Soviet social scientists regarding the peculiarities of the historical development of our country are distinguished. *Methods and materials.* The historiography of the considered problem is rather limited, as a comprehensive study of assessments of pacifism (in the ideological and terminological dimensions) in Soviet socio-political thought has not been conducted. The source base of the study was, first, scientific works, reference encyclopedic editions, and journalistic materials. The following methods and techniques were used in the work: historical-comparative, semantic-cognitive, and historical-semantic. *Analysis.* According to the author, in the pre-revolutionary period, pacifism was considered a rather integral ideology that had a moderate character and was focused on liberal values. A great influence on the perception of pacifism by representatives of Soviet socio-political thought was provided by the ideological preferences of Bolshevik theorists and, above all, by Lenin’s works, which contained a serious criticism of pacifism as a doctrine alien and hostile to Marxism. *Results.* Throughout almost the entire Soviet period, one could observe in social and political thought a negative attitude towards pacifism, a careful and conscious non-use of it, as well as its replacement by ideologically more appropriate concepts (“struggle for peace”). A complete reevaluation and intellectual “rehabilitation” of pacifism took place at the turn of the 1980s and 1990s, when, with the ideological pressure coming to an end, the term “pacifism” entered firmly into public and political discourse, including the research discourse.

Key words: social and political thought, pacifism, peacemaking, struggle for peace, encyclopedia.

Citation. Nikolaev N. Yu. Pacifism in Soviet Socio-Political Thought: From Hostility and Non-Recognition to Acceptance and Approval. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 219-230. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.18>

УДК 93/94+172.4+355.01

ББК 63.3(2)6+66.77

Дата поступления статьи: 02.11.2023

Дата принятия статьи: 30.03.2024

ПАЦИФИЗМ В СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ВРАЖДЕБНОСТИ И НЕПРИЗНАНИЯ К ПРИНЯТИЮ И ОДОБРЕНИЮ¹

Николай Юрьевич Николаев

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета,
г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция понятия «пацифизм» в советской общественно-политической мысли. Выделены этапы в оценках пацифизма советскими обществоведами с учетом особенностей исторического развития нашей страны. По мнению автора, в дореволюционный период пацифизм рассматривался как достаточно цельная идеология, которая имела умеренный характер и была ориентирована на либеральные ценности. Большое влияние на восприятие пацифизма представителями советской общественно-политической мысли оказали идейные предпочтения большевистских теоретиков и прежде всего работы В.И. Ленина, в которых содержалась серьезная критика пацифизма как чуждого и враждебного марксизму учения. На протяжении почти всего советского периода в общественно-политической мысли можно было наблюдать негативное отношение к пацифизму, старательное и сознательное его неиспользование, а также замена идеологически более соответствующими терминами (например, «борьба за мир»). Переоценка и интеллектуальная «реабилитация» пацифизма произошли на рубеже 1980-х – 1990-х гг., когда в условиях прекращения идеологического давления термин «пацифизм» прочно вошел в общественно-политический дискурс, в том числе и научно-исследовательский обиход. Историография рассмотренной проблемы достаточно ограничена, так как комплексного изучения оценок пацифизма (в идеологическом и терминологическом измерении) в советской общественно-политической мысли не проводилось. Источниковой базой исследования послужили прежде всего историографические источники: научные труды, справочно-энциклопедические издания и публицистические материалы. В работе были использованы следующие методы и приемы – историко-сравнительный, семантико-когнитивный и историко-семантический.

Ключевые слова: общественно-политическая мысль, пацифизм, миротворчество, борьба за мир, энциклопедия.

Цитирование. Николаев Н. Ю. Пацифизм в советской общественно-политической мысли: от враждебности и непризнания к принятию и одобрению // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 219–230. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.18>

Введение. Одной из самых серьезных проблем современной российской психологии / ирениологии является отсутствие разработанного и ясного корпуса тематических дефиниций. Несмотря на сравнительную немногочисленность антивоенных понятий, исследователь при их использовании сталкивается со множеством подходов и терминологических интерпретаций. Усложняют ситуацию и перипетии отечественного миротворчества в советский период, когда идеологические разногласия влияли не только на оценку практической деятельности некоммунистических антивоенных движений, но и их концептуальное осмысление. Одним из самых «проблемных» антивоенных терминов является «пацифизм», рассмотрение которого, на первый взгляд, не представляет серьезных исторических и семантических затруднений. Однако при более обстоятельном и глубоком изучении пацифизм оказывается обладателем сложной, противоречивой и событийно насыщенной «биографии». На протяжении XX столетия отношение к пацифизму в нашей стране претерпевало значительные, порой кардинальные изменения, что отразилось не только на его формулировках, но и на характере социальной аппер-

цепции. Первоначальные интерес и внимание сменились неприятием и полузабвением, чтобы в конце концов уступить место идейной реабилитации, широкому распространению и полноценному использованию.

К сожалению, серьезного изучения оценок пацифизма (в идеологическом и терминологическом измерениях) в отечественной общественно-политической мысли, по сути, не проводилось. В достаточно обширной постсоветской историографии анализ собственно пацифизма «растворяется» в общей истории российского антивоенного движения. Отдельные аспекты отношения к пацифизму в предвоенный период были проанализированы советскими историками [13; 17]. Однако эти работы при известной фундированности отличал нескрываемый идеологический подход, заметно ограничивавший исследовательские возможности авторов. Проведенное исследование позволило не только раскрыть эволюцию оценок советскими обществоведами и политическими деятелями пацифизма, но и на данном примере выявить степень и характер влияния марксистско-ленинской идеологии на процесс формирования важных и общественно значимых понятий и социальных практик.

Кроме того, раскрытие «понятийной истории» пацифизма, по мнению автора, будет способствовать выработке наиболее полного и аподиктического его определения.

Методы. В рамках популярного в терминоведении семантико-когнитивного подхода, а также историко-семантического анализа и исторической компаративистики автор стремится выявить и обобщить существовавшие в советской общественно-политической мысли оценки пацифизма как понятия, а также более широкую его репрезентацию (как концепта и идеологемы). Источниковой базой исследования послужили прежде всего историографические источники: научные труды, справочно-энциклопедические издания и публицистические материалы. Хронологические рамки статьи ограничены советским периодом, так как всплеск исследовательского интереса к пацифизму, отчетливо заметный в последние три десятилетия, требует отдельного и самого тщательного изучения.

Анализ. В многочисленных работах, посвященных вопросам войны и мира, пацифизм традиционно оказывается наиболее популярным и исследовательски востребованным понятием. Этимология пацифизма восходит к латинскому слову «рах» – мир и «*facio*» – делаю, то есть буквально означая «мироделанье» [40, стб. 937]. Считается, что первым термин «пацифизм» в широкое употребление ввел французский писатель и юрист Эмиль Арно. В 1901 г. на десятом Всеобщем конгрессе мира в Глазго он предложил использовать это слово и его производные для обозначения движения за мир [12, с. 103–105].

Отечественная общественная-политическая мысль еще до революции 1917 г. не только активно использовала новое понятие, но и успела сформулировать собственное представление о его содержании. Так, на страницах первого российского периодического антивоенного издания «Вестник мира» пацифизм определялся как стремление добиться без войны общей солидарности цивилизованных стран, а также как механизм разрешения международных конфликтов мирными средствами [36, с. 3–4]. Ряд авторов этого периода предлагал развернутую видовую классификацию пацифизма [51, с. 39–40]. В отдельных работах, напротив, он рассматривался как

единое и достаточно цельное учение. К примеру, таковым предстал пацифизм в изложении П.Н. Миллюкова – монолитный, лишенный утопизма и пустого морализаторства, стоявший на твердых институциональных основаниях – широкой сети антивоенных организаций, межпарламентском союзе, международном третейском суде и миролюбивых государственных договоренностях [34, с. 86, 95]. Популярная в начале XX в. энциклопедия братьев Гранат давала пацифизму позитивно-нейтральное определение: «Пацифизм, или пацифизм, движение, пропагандирующее международный мир и ведущее идейную борьбу с милитаризмом» [54, стб. 317].

После Октябрьской революции взгляды на пацифизм радикальным образом изменились и появившиеся в официальном общественно-политическом дискурсе враждебность и неприятие к нему в той или иной мере сохранялись на протяжении почти всего советского периода [38, с. 4]. По отношению к советскому миротворчеству термин «пацифизм» не использовался и применялся лишь при описании некоммунистических антивоенных практик и концепций. Причиной подобного идейно-терминологического «остракизма» послужили прежде всего работы В.И. Ленина, в которых пацифизм оказался накрепко «привязан» к идеологически чуждым марксизму атрибутивам – «буржуазный», «либеральный», «оппортунистический», «шовинистический» и пр. [26, с. 341]. На протяжении многих десятилетий историографическим «указателем» для советских авторов служили ленинские высказывания о пацифизме как учении бессодержательном, политически нелепом и лицемерном [28, с. 257].

«Ложному» пацифизму В.И. Ленин противопоставлял «истинный» пацифизм, который в узуальном значении был лингвистическим симулякром (то есть подменялся понятиями «пропаганда мира», «проповедь мира», «лозунг мира» и т. д.), а в семантическом отношении фактически являлся «анти-пацифизмом», не только допуская, но и ратуя за «прогрессивные» вооруженные конфликты – национально-освободительную борьбу и революционное насилие [26, с. 165–166, 311].

Справедливости ради укажем, что после 1920 г., в условиях отказа от идеи «превра-

шения войны правительства в войну гражданскую» и осознания необходимости преодоления Советской Россией международной изоляции, отношение В.И. Ленина к пацифизму несколько смягчилось, стало более терпимым и прагматичным (хотя кардинального изменения позиции, конечно, не произошло). В конце жизни он не только демонстрировал готовность к сотрудничеству с буржуазными и демократическими пацифистами, но и рекомендовал советским представителям на Генуэзской конференции выступить с «широкой пацифистской программой» [29, с. 406–408; 30, с. 34–40, 63–64, 69–70].

Анализ трудов ряда известных большевиков 1920-х – начала 1930-х гг. (Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий и др.) также позволяет выявить их отрицательное, а порой и резко-негативное отношение к пацифизму [14, с. 436; 53, с. 366]. И хотя многие марксисты-теоретики уже в конце 1920-х гг. подверглись репрессиям, а в 1930-е гг. в большинстве своем были физически уничтожены, заявленный ими общественно-политический рефрен – «пацифизм враждебен марксизму во всех своих проявлениях» – был подхвачен и догматизирован именно в сталинскую эпоху [19, с. 25–26].

Действительно, высказывания И.В. Сталина о пацифизме, при том, что они сравнительно немногочисленны, отличались беспепелляционностью и ригоризмом, превращая понятие «пацифизм» в откровенно пейоративную коннотацию [46, с. 200]. В сталинских работах середины 1920-х гг. можно встретить высказывания о том, что политическая практика пацифизма (через деятельность социал-демократических партий) способствовала утверждению фашизма [45, с. 283]. После подобной идеологической «отмашки» тезис о «фашиствующем пацифизме» в 1930-е гг. был поддержан и развит советскими обществоведами. «Еще в начале относительной капиталистической стабилизации, – писал известный советский правовед и дипломат П.Е. Вышинский, – в период расцвета пацифизма, за ширмой которого собирал свои кадры фашизм, т. Сталин разоблачил попытки противопоставления пацифизма фашизму» [9, с. 64].

Немалую роль в очернении пацифизма (и как учения, и как понятия) играли многочисленные историко-документальные сборни-

ки / хрестоматии, состоявшие из текстов международных соглашений, статей советских руководителей по международной тематике, активно издававшиеся в 1920-е – 1950-е гг. [24, с. 41, 62, 144–145, 159]. Отметим и сомнительный вклад советских писателей, карикатурно изображавших пацифистов скрытыми милитаристами, резонерами и оппортунистами [16, с. 533–534; 33, с. 255]². Наконец, деструктивный и антикоммунистический характер пацифизма был окончательно зафиксирован в учебно-образовательной, просветительской и дидактической литературе – от «Краткого курса истории ВКП(б)» и наставлений советским агитаторам до вузовских учебников [20, с. 366; 44, с. 160].

В то же время политическая доктрина сталинского периода не рассматривала пацифизм как идейно-монолитное учение / движение. В рамках двух больших направлений – буржуазно-либерального и мелкобуржуазного выделялось несколько течений [43, с. 18–19, 22, 36–37, 43–44, 55–59]. Основные виды пацифизма были определены на VI Конгрессе Коминтерна (1928 г.). «Официальный» его вариант артикулировался на дипломатическом и государственном уровне буржуазными правительствами и признавался как один из самых враждебных коммунистической идее и Советскому Союзу. «Пацифизм II Интернационала» отличался от «официального» лишь использованием элементов социалистической и марксистской фразеологии. Считалось, что «радикальный» или «революционный» пацифизм преувеличивал разрушительную силу оружия и недооценивал прогрессивный потенциал превращения империалистической войны в гражданскую. Базой и источником «полурелигиозного» пацифизма назывались церковные круги. Идеи «кооперативного» пацифизма выдвигались отдельными леволиберальными организациями и движениями (кооперативным, женским и пр.) [22, с. 799–800]. Отдельно советская политэкономия 1930-х гг. рассматривала экономический пацифизм, в основе которого лежала «идея рационализации международного обмена на началах пресловутой “свободной торговли”» [35, с. 65]. Кроме того, при описании пацифизма использовались и другие обозначения – «реальный» / «реалистический», «клерикальный», «демокра-

тический», «империалистический», «левый», «пацифизм Лиги Наций», «социал-пацифизм», «пацифизм амстердамцев» (Амстердамского интернационала профсоюзов) и пр. [48, с. 27–30, 51–53, 85–86, 97; 49, с. 63–64, 68, 83, 87–89, 97–98, 114]. Разумеется, все эти разновидности пацифизма признавались чуждыми и враждебными (хотя и в разной степени) советскому государству и коммунистической идеологии.

Вместе с тем допускалось существование «добросовестных» пацифистов, далеких от «политических иллюзий» и воодушевленных «подлинной волей к миру». В условиях увеличения международной напряженности и нарастания угрозы новой мировой войны в СССР признавалась возможность (и даже необходимость) сотрудничества с теми пацифистами, кто был искренне готов «бороться с военной опасностью» [23, с. 59]. В подобном допущении сложно не увидеть ленинские реминисценции о возможном сотрудничестве с буржуазными и демократическими пацифистами для решения тактических международных задач. Однако при этом жестко постулировались идейная инаковость и политическая враждебность пацифизма, который рассматривался как «идеология и орудие борьбы мирового империализма против идущей вперед мировой революции и ее оплота – Союза Советских Социалистических Республик» [22, с. 823]. Следовательно, сотрудничество коммунистов даже с «добросовестными» пацифистами могло осуществляться лишь при соблюдении двух важных условий: «во-первых, *организация пацифистских масс не может и не должна быть коммунистической организацией* (курсив наш. – Н. Н.), а во-вторых, коммунисты, работая в этой организации, вместе с тем никогда не должны уклоняться от самого терпеливого и упорного разъяснения своих взглядов на все проблемы антивоенной борьбы» [1, с. 277].

По мнению автора, научная и публицистическая литература 1920-х – 1950-х гг. отличалась категоричным, в чем-то даже агрессивным неприятием пацифизма. Преимущественно это были исторические и политологические работы, посвященные вопросам внутренней и внешней политики. Однако негативные оценки пацифизма распространялись не только на проблемы истории и/или международного положения, но и затрагивали дру-

гие гуманитарные сферы – литературоведение, философию, право и пр. Именно в этот период были заложены те ценностные принципы и исследовательские установки, которые без существенных изменений просуществовали почти до конца 1980-х годов.

1920-е – 1950-е гг. – период массового и настойчивого внедрения в широкий общественно-политический дискурс лексемы «борьба за мир», которая рассматривалась как идейно-терминологическая альтернатива пацифизму⁴. В ленинской интерпретации «борьба за мир» есть «борьба за социализм», то есть истинное стремление к миру должно было обязательно сопровождаться «революционной классовой борьбой пролетариата». Лишь в этом случае оно очищалось от пацифистской составляющей – сентиментальной, ложной и буржуазной [27, с. 32–33, 41]. В работах И.В. Сталина, по крайней мере в послевоенный период, борьба за мир уже не преследовала своей целью свержение капитализма и установление социализма, а ограничивалась демократическими задачами по поддержанию и сохранению международного мира [47, с. 36]. Уже в 1920-е – 1930-е гг. понятие «борьба за мир» постепенно, но верно входило в лексикон представителей партийно-государственной элиты и академической науки [31; 41]. Однако как развитая внешнеполитическая доктрина «борьба за мир» стала реализовываться на рубеже 1940-х – 1950-х гг. [15, с. 52–53]. В результате чуждое и даже враждебное понятие «пацифизм» было заменено на более удачный с точки зрения идеологической пригодности эвфемизм³. Эта лексема куда больше соответствовала большевистским / коммунистическим представлениям о войне, как возможном допущении, а в ряде случаев и вынужденной необходимости [7, с. 11]. Ее содержательная дихотомия проявлялась в скрытой воинственности и готовности к насилию («борьба»), которые уравновешивались желанием тишины и покоя, избеганием вооруженных конфликтов и войн («мир»).

Оценки пацифизма в исследовательской и публицистической литературе конца 1950-х – начала 1980-х гг. по сравнению с предшествующим периодом, на первый взгляд, выглядели методологически и семантически инерционными, во многом унаследовавшими прежние

уничижительные характеристики. В действительности отношение к пацифизму усложнилось (речь шла прежде всего о научных подходах), отчасти деидеологизировалось, постепенно трансформируясь в умеренно-отрицательную или даже нейтральную оценку. Появившиеся отличия были вызваны как масштабными общественно-политическими изменениями в стране (в том числе во внешней политике), так и пересмотром научных подходов в изучении конкретных явлений и процессов.

Именно в таком нейтральном и/или умеренно-критическом звучании пацифизм присутствовал в исследованиях по международному праву (главным образом гуманитарному) уже с конца 1950-х годов. Здесь отметим прежде всего труды В.Э. Грабаря и отдельные переводные работы зарубежных авторов [11, с. 430–432]. Пацифистские взгляды дореволюционных правоведов (например, Л.А. Камаровского) только констатировались, без обязательного для 1920-х – 1930-х гг. длинного «шлейфа» обвинений и нападок [25, с. 223–224]. Даже привычные рассуждения о «лицемерии и неискренности многих поборников пацифизма» (в трудах О.В. Богданова, Д.Б. Левина и пр.) выглядели скорее ритуальным сопровождением достаточно объективных исследований по истории антивоенных идей [2, с. 177–178].

Содержательную эволюцию пацифизма можно наблюдать также в тематических статьях советских энциклопедий – уникальном идеологическом феномене и важнейшем источнике научно-популярного знания. Так, составители первого выпуска БСЭ (1926–1947 гг.) критиковали пацифизм прежде всего за неспособность различать войны справедливые, то есть оборонительные, национально-освободительные и революционные, от войн несправедливых, развязанных для захвата и порабощения других стран и народов. В непонимании того, что при капитализме войны неизбежны упрекались и «добросовестные» пацифисты [3, с. 385–386].

Во втором энциклопедическом издании (1949–1958 гг.) о пацифизме было написано академичнее, короче и с куда меньшим количеством ленинских цитат (соотношение одна к четырем). Из определения исчезло положение о неизбежности вооруженных столкновений при капитализме, а также деление войн

на справедливые и несправедливые. Прежний развернутый тезис о «добросердечных» пацифистах был сокращен до одного предложения о «бескорыстных и добросовестных» представителях пацифизма, которые сотрудничают со «сторонниками мира» (читай истинными миротворцами) [4, с. 251].

Статья о пацифизме в третьем издании БСЭ (1969–1978 гг.) видится автору квинтэссенцией позднесоветского отношения к данному понятию. Умеренно-отрицательное отношение к пацифизму проявлялось прежде всего в негативных атрибутивах – «недостаточность и ограниченность». В то же время подчеркивалось желание многих пацифистов и некоторых пацифистских организаций, «искренне стремящихся предотвратить войну», включиться в Движение сторонников мира [6, с. 291]. Именно статья «Движение сторонников мира» (оно появилось только в третьем издании) в полной мере отражала советское понимание эффективного международного миротворчества – интернационального, деятельного и как минимум лояльного к коммунистической идеологии, то есть не имевшего идейно-организационных недостатков пацифизма [5, с. 581–582]. В отличие от пассивной тактики пацифистов движение сторонников мира рассматривалось как активная, наступательная деятельность, готовая к самым радикальным акциям, вплоть до «боевых демонстраций и стачек в защиту мира» [39, стб. 1064].

В последних ежегодных выпусках БСЭ (конец 1980-х гг.) понятие «пацифизм» избавилось от отрицательно-оценочных характеристик и трактовалось идеологически нейтрально. Пацифизм определялся прежде всего как радикальное антивоенное движение, отрицавшее всякие войны в том числе справедливые и освободительные [42, с. 978]. По мнению автора, схожее толкование пацифизма было присуще российским обществоведам до середины 1990-х гг., пока массив новых тематических исследований не повлиял на содержание антивоенных терминов [19, с. 3–4].

В 1980-е гг. началась постепенная, но неизбежная идейно-понятийная реабилитация пацифизма, затронувшая на первых порах различные общественные структуры, а затем и политические круги. «Возвращение» пацифизма в повседневный дискурс первоначально

происходило на уровне партикулярного обсуждения и прежде всего в рамках диссидентского, неформального и андеграундного движений [10]. Умеренно-положительное отношение к пацифизму можно наблюдать уже в научных работах середины 1980-х гг., в которых наряду с устоявшимися идеологическими представлениями ощущалось стремление преодолеть прежние догматизм и доктринерство. Советские исследователи этого периода (О.Н. Меликян, Я.Г. Темкин и др.) признавали не только важность изучения пацифизма, но и необходимость отказа от устаревших его характеристик [8, с. 90–116]. В идеологии марксизма и пацифизма старались найти содержательные взаимосвязи, подчеркнуть стремление В.И. Ленина к сотрудничеству с пацифистами с целью установления всеобщего мира [52]. В статье, посвященной истории пацифизма в 1917–1939 гг., Р.М. Илюхина признавала, что современный пацифизм, пусть и сохранил буржуазную природу, но качественно изменился по сравнению с довоенным периодом, «активно и решительно» участвуя в антивоенных протестах. В то же время она упрекала западную пропаганду в искажении марксистских установок в отношении пацифизма, ленинских подходов к нему и даже самой истории пацифистского движения [17, с. 55–56]. В пацифизме 1920-х – 1930-х гг. автор выделяла два основных течения (буржуазное и мелкобуржуазное) и несколько направлений, отталкиваясь от традиционных источников – работ В.И. Ленина и документов по истории рабочего движения [17, с. 60–65].

Очевидно, что, несмотря на отдельные критические высказывания и отрицательные характеристики, в советской литературе середины 1980-х гг. почти не встречались откровенно дерогативные оценки пацифизма, присущие авторам сталинского времени. Пацифизм по-прежнему признавался чуждым коммунистической идеологии движением, но степень враждебности к нему существенно снизилась, а многие его представители рассматривались как полезные и эффективные союзники в процессе разоружения и общего умиротворения [21, с. 56–60]. Следует понимать, что процесс деидеологизации пацифизма и возвращения его в общественный дискурс происходил одновременно со смягчением по-

литической риторики и напрямую зависел от характера и содержания международной обстановки. Кардинальная трансформация страны во второй половине 1980-х гг. не могла не затронуть используемую общественно-политическую терминологию, одобряя устами интеллектуальной элиты прежде запретные или полужапретные понятия и концепты [37, с. 229]. Научные исследования пацифизма этого времени ссылались на новые мировоззренческие установки и санкционировавшие их властные решения, что придавало лингвокогнитивной реверсии характер санкционированной государством политики [17, с. 55; 50, с. 6, 43–44].

Накануне распада СССР комплиментарная точка зрения на пацифизм и его многочисленные течения среди советских обществоведов уже преобладала. Известный политолог и социолог А.С. Капто в 1990 г. констатировал, что при всей противоречивости пацифизма его положительная роль в антивоенном движении очевидна и постоянно возрастает [21, с. 47]. В 1991 г. Р.М. Илюхина упрекала уже советских ученых в несправедливом отношении к пацифизму, а общий уровень отечественной психологии определяла как существенно уступающий аналогичным западным исследованиям. Автор полностью отказалась от прежних, в том числе и собственных характеристик пацифизма как буржуазного движения. В новом деидеологизированном звучании пацифизм обозначался ею как «идейное или идейно-политическое течение в истории, в основе которого лежит отказ от насилия вообще и войн в частности» [18, с. 163–169]. Столь же разительные перемены претерпела и классификация пацифизма, в котором Р.М. Илюхина, как и прежде, видела два направления, но уже никак не связанных с классовой природой, – радикальное, отвергавшее всякие войны, а также любое насилие и умеренное, выступавшее против агрессивных, захватнических войн («интернационализм», «пацифицизм», «либеральный пацифизм») [18, с. 169–170].

По мнению Р.М. Илюхиной, окончательное идейное размежевание пацифистов и марксистов произошло в «сталинский насильственный и репрессивный период». В поздних работах В.И. Ленина (1921–1922 гг.) она видела нереализованную возможность сотрудничества молодого советского государства с

пацифизмом (и как идеологией, и как политической практикой) [18, с. 193–196]. Если с первым утверждением, на наш взгляд, можно согласиться, то стремление увидеть в ленинских рекомендациях советским представителям на Генуэзской конференции нечто большее, чем тактическое и кратковременное сближение с либеральным пацифистским лагерем выглядит заведомой ошибкой. В конечном счете именно из обширного комплекса работ В.И. Ленина, четко и последовательно разделявшего марксизм и пацифизм, идейно «питалась» вся последующая советская (включая и И.В. Сталина) общественная и политическая оценка пацифизма.

Результаты. Подводя итоги, укажем на сложную и извилистую «биографию» пацифизма в нашей стране. Краткий, но насыщенный дореволюционный период был временем активного применения понятия «пацифизм» в общественно-политической мысли. Однако время идейно-терминологических поисков и экспериментов быстро закончилось после прихода к власти большевиков. Труды В.И. Ленина и его соратников, рассматривавших пацифизм как явление чужеродное и во многом враждебное марксизму, стали идеологическим ориентиром для нескольких поколений советских обществоведов. В то же время отношение к пацифизму в советский период было неоднородным и делилось на несколько этапов. 1920-е – 1950-е гг. – время жесткой, пейоративной критики пацифизма, который рассматривался как движение, глубоко враждебное коммунистической идеологии и Советскому Союзу. На рубеже 1940-х – 1950-х гг. в «судьбе» пацифизма произошло несколько важных событий – в общественно-политический дискурс активно вводилось понятие «борьба за мир»; осуждение пацифизма смягчилось, а в отдельных его последователях советская общественность все чаще была готова видеть союзниками в международном движении за мир. В полной мере эти тенденции реализовались в последующее тридцатилетие, но уже с начала 1980-х гг. на волне масштабных внутри- и внешнеполитических изменений начался процесс постепенной деидеологизации пацифизма, который к началу 1990-х гг. закончился его полной идейно-понятийной «реабилитацией».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

² Можно отметить также резкие и даже оскорбительные выпады В.В. Маяковского против идей Л.Н. Толстого о непротивлении и отказе от военной службы [32, с. 192–195; 33, с. 308–309].

³ В советском общественно-политическом дискурсе, преимущественно послевоенном, достаточно широко использовалось понятие «движение за мир / движение сторонников мира». Однако по частоте и широте использования оно уступало «борьбе за мир».

⁴ За более чем семидесятилетний советский период были изданы, без преувеличения, тысячи работ основной проблематикой которых являлась «борьба за мир» (что нередко фиксировалось в названии). В содержательном отношении подобная литература была крайне разнообразна – учебно-методическая, дидактическая, художественная, публицистическая, научно-популярная и научно-исследовательская. Столь же отличным был и формат изданий – от кратких, реферативных текстов до монументальных коллективных трудов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. VII Конгресс коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны: сб. док. М.: Политиздат, 1975. 527 с.
2. Богданов О. В. Идеи разоружения в истории международных отношений и права // Советский ежегодник международного права. М.: Изд-во АН СССР. 1962. С. 166–188.
3. Большая советская энциклопедия. Т. 44. М.: Сов. энцикл., 1939. 416 с.
4. Большая советская энциклопедия. Т. 32. М.: Сов. энцикл., 1955. 646 с.
5. Большая советская энциклопедия. Т. 7. М.: Сов. энцикл., 1972. 608 с.
6. Большая советская энциклопедия. Т. 19. М.: Сов. энцикл., 1975. 648 с.
7. Буковский В. К. Пацифисты против мира = Les pacifistes contre la paix. Paris: La Presse libre, Cop. 1982. 102 с.
8. Вопрос всех вопросов: (Борьба за мир и исторические судьбы человечества). М.: Политиздат, 1985. 272 с.
9. Вышинский П. Е. Подготовка новой войны за ширмой социал-фашистского пацифизма // Под знаменем марксизма. 1933. № 5. С. 40–65.

10. Гордеева И. А. Возникновение независимо-мирного движения в СССР в 1980-е годы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. № 1 (102). С. 214–224.
11. Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.
12. Гросси В. Пацифизм: Долгий путь к созданию доктрины // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИРАН, 1998. С. 94–113.
13. Есин Д. И. Борьба В.И. Ленина против пацифизма, за превращение войны империалистической в войну гражданскую: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. 29 с.
14. Зиновьев Г. Е. Сочинения. Т. 5. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1924. 542 с.
15. Златопольский Д. Л. Борьба за мир в европейских странах народной демократии // Советское государство и право. 1952. № 6. С. 52–57.
16. Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. 740 с.
17. Илюхина Р. М. Идеино-политическая эволюция пацифизма в 1917–1939 гг. // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 55–73.
18. Илюхина Р. М. Пацифизм и ненасильственная альтернатива в истории // Принципы ненасилия: классическое наследие. М.: Прогресс, 1991. С. 163–200.
19. Илюхина Р. М. Российский пацифизм вчера и сегодня. М.: ИВИРАН, 1992. 100 с.
20. Империализм и всеобщий кризис капитализма: рабочая книга для вузов и комвузов. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 653 с.
21. Капто А. С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. М.: Политиздат, 1990. 431 с.
22. Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932. М.: Парг. изд-во, 1933. 1007 с.
23. Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом (материалы). М.: Парг. изд-во, 1935. 606 с.
24. Кризис капитализма, угроза новых войн и интервенции: Статьи. Материалы. [М.]: Партиздат, 1932. 167 с.
25. Левин Д. Б. Русские юристы-международники о сущности международного права // Советский ежегодник международного права, 1975. М.: Наука, 1977. С. 217–225.
26. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 590 с.
27. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 643 с.
28. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 561 с.
29. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 725 с.
30. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 729 с.
31. Литвинов М. М. В борьбе за мир: [Речи]. М.: Партиздат, 1938. 195 с.
32. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Худож. лит. 1958. 536 с.
33. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.: Худож. лит., 1958. 611 с.
34. Миллюков П. Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1911. 178 с.
35. Михайлович И. В. Пан-Европа // Международная жизнь. 1930. № 4. С. 64–74.
36. От редакции // Вестник мира. Орган международного права и культуры. 1912. Дек. С. 1–4.
37. Прорыв: Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн. М.: Прогресс, 1988. 368 с.
38. Рудницкая Е. Л., Лисовой Н. Н. Миротворческая парадигма русской мысли // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 4–27.
39. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1963. 1072 стб.
40. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М.: Сов. энцикл., 1967. 1040 стб.
41. Советский союз в борьбе за мир. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 343 с.
42. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1988. 1600 с.
43. Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 599 с.
44. Сталин И. В. История всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. [М.]: Изд-во ЦК ВКП(б) Правда, 1938. 352 с.
45. Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1947. 430 с.
46. Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1949. 382 с.
47. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.
48. Стенографический отчет VI конгресс[a] Коминтерна. Вып. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 203 с.
49. Стенографический отчет VI конгресс[a] Коминтерна. Вып. 6. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 199 с.
50. Тарле Г. А. Роль советской общественности в борьбе за мир, 1945–1985 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 48 с.
51. Таубе М. А. Граф Л. А. Камаровский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 3. С. 37–47.
52. Темкин Я. Г. Марксисты и пацифисты (из опыта взаимоотношений) // Вопросы истории КПСС. 1987. № 8. С. 56–68.

53. Троцкий Л. Д. Пять лет Коминтерна. М.: Гос. изд-во, 1924. 612 с.

54. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». Т. 31. М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1915. 640 стб.

REFERENCES

1. *VII Kongress kommunisticheskogo internacionala i borba protiv fashizma i vojny: sb. dok.* [The 7th Congress of the Communist International and the Struggle Against Fascism and War: Collection of Documents]. Moscow, Politizdat, 1975. 527 p.

2. Bogdanov O.V. Idei razoruzheniya v istorii mezhdunarodnyh otnoshenij i prava [Ideas of Disarmament in the History of International Relations and Law]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Soviet Yearbook of International Law], Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 166-188.

3. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya. T. 44* [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 44]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1939. 416 p.

4. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya. T. 32* [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 32]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1955. 646 p.

5. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya. T. 7* [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 7]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1972. 608 p.

6. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. T. 19* [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 19]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1975. 648 p.

7. Bukovskij V.K. *Pacifisty protiv mira = Les pacifistes contre la paix* [Pacifists Against Peace]. Paris, La Presse libre, Cop. 1982. 102 p.

8. *Vopros vsekh voprosov: (Borba za mir i istoricheskie sudby chelovechestva)* [The Question of All Questions: (The Struggle for Peace and the Historical Fate of Mankind)]. Moscow, Politizdat, 1985. 272 p.

9. Vyshinskij P.E. Podgotovka novej vojny za shirmoj social-fashistskogo pacifizma [Preparation of a New War Behind the Screen of Social-Fascist Pacifism]. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 1933, no. 5, pp. 40-65.

10. Gordeeva I.A. Vozniknovenie nezavisimogo mirnogo dvizheniya v SSSR v 1980-e gody [The Emergence of an Independent Peaceful Movement in the USSR in the 1980s]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the RSUH. Series: Political Science. History. International Relations], 2013, no. 1 (102), pp. 214-224.

11. Grabar V.E. *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [Materials for the History of the Literature of International Law in Russia (1647–1917)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958. 491 p.

12. Grossi V. Pacifizm: Dolgij put k sozdaniyu doktriny [Pacifism: A LONG Way to Creating a Doctrine]. *Pacifizm v istorii. Idei i dvizheniya mira* [Pacifism in History. Ideas and Movements of the World]. Moscow, IVIRAN, 1998, pp. 94-113.

13. Esin D.I. *Borba V.I. Lenina protiv pacifizma, za prevrashchenie vojny imperialisticheskoy v vojnu grazhdanskuyu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [V.I. Lenin's Struggle Against Pacifism, for the Transformation of the Imperialist war into a Civil War. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Leningrad, 1951. 29 p.

14. Zinovyev G.E. *Sochineniya. T. 5* [Works. Vol. 5]. Moscow, Petrograd, Gos. izd-vo, 1924. 542 p.

15. Zlatopolskij D.L. Borba za mir v evropejskih stranah narodnoj demokratii [The Struggle for Peace in the European Countries of People's Democracy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1952, no. 6, pp. 52-57.

16. Ilf I., Petrov E. *Sobranie sochinenij. T. 5* [Collected Works. Vol. 5]. Moscow, Gos. izd-vo hudozh. lit., 1961. 740 p.

17. Ilyuhina R.M. Idejno-politicheskaya evolyuciya pacifizma v 1917–1939 gg. [The Ideological and Political Evolution of Pacifism in 1917–1939]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1989, no. 12, pp. 55-73.

18. Ilyuhina R.M. Pacifizm i nenasilstvennaya alternativa v istorii [Pacifism and the Nonviolent Alternative in History]. *Principy nenasiliya: klassicheskoe nasledie* [Principles of Nonviolence: Classical Heritage]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 163-200.

19. Ilyuhina R.M. *Rossijskij pacifizm vchera i segodnya* [Russian Pacifism Yesterday and Today]. Moscow, IVIRAN, 1992. 100 p.

20. *Imperializm i vseobshchij krizis kapitalizma: rabochaya kniga dlya vuzov i komvuzov* [Imperialism and the General Crisis of Capitalism: A Workbook for Universities and Communist Universities]. Moscow, Leningrad, Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1931. 653 p.

21. Kapto A.S. *Filosofiya mira: istoki, tendencii, perspektivy* [Philosophy of the Peace: Origins, Trends, Prospects]. Moscow, Politizdat, 1990. 431 p.

22. *Kommunisticheskij Internacional v dokumentah: resheniya, tezisy i vozzvaniya kongressov Kominterna i plenumov IKKI, 1919–1932* [The Communist International in Documents: Decisions, Theses and Appeals of the Congresses of the Comintern and the Plenums of the Executive Committee of the Communist International (ECCI), 1919–1932]. Moscow, Part. izd-vo, 1933. 1007 p.

23. *Kommunisticheskij Internacional pered VII vseмирnym kongressom (materialy)* [The Communist International Before the 7th World Congress (Proceedings)]. Moscow, Part. izd-vo, 1935. 606 p.

24. *Krizis kapitalizma, ugroza novyh vojn i intervencii: Statyi. Materialy* [The Crisis of Capitalism, the Threat of New Wars and Intervention: Articles. Materials]. Moscow, Partizdat, 1932. 167 p.
25. Levin D.B. Russkie yuristy-mezhdunarodniki o sushchnosti mezhdunarodnogo prava [Russian International Lawyers on the Essence of International Law]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1975* [The Soviet Yearbook of International Law, 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 217-225.
26. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 26* [The Complete Collection of Works. Vol. 26]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1969. 590 p.
27. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 27* [The Complete Collection of Works. Vol. 27]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1969. 643 p.
28. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 30* [The Complete Collection of Works. Vol. 30]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1969. 561 p.
29. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 44* [The Complete Collection of Works. Vol. 44]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970. 725 p.
30. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 45* [The Complete Collection of Works. Vol. 45]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970. 729 p.
31. Litvinov M.M. V borbe za mir: Rechi [In the Struggle for Peace: Speeches]. Moscow, Partizdat, 1938. 195 p.
32. Mayakovskij V.V. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 7* [The Complete Collection of Works. Vol. 7]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1958. 536 p.
33. Mayakovskij V.V. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 9* [The Complete Collection of Works. Vol. 9]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1958. 611 p.
34. Milyukov P.N. *Vooruzhennyj mir i ogranichenie vooruzhenij* [The Armed Peace and the Limitation of Armaments]. Saint Petersburg, Tip. B.M. Volfa, 1911. 178 p.
35. Mihajlovich I.V. Pan-Evropa [Pan-Europe]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Life], 1930, no. 4, pp. 64-74.
36. Ot redakcii [From the Editorial Office]. *Vestnik mira. Organ mezhdunarodnogo prava i kultury* [Bulletin of the World. The Body of International Law and Culture], 1912, Dec., pp. 1-4.
37. *Proryv: Stanovlenie novogo myshleniya. Sovetskie i zapadnye uchenye prizyvayut k miru bez vojn* [Breakthrough: The Formation of New Thinking. Soviet and Western Scientists Are Calling for a World Without Wars]. Moscow, Progress Publ., 1988. 368 p.
38. Rudnickaya E.L., Lisovoj N.N. Mirotvorcheskaya paradigma russkoj mysli [The Peacemaking Paradigm of Russian Thought]. *Mirotvorchestvo v Rossii: Cerkov, politiki, mysliteli. Ot rannego srednevekovya do rubezha XIX–XX stoletij* [Peacemaking in Russia: The Church, Politicians, and Thinkers. From the Early Middle Ages to the Turn of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2003. pp. 4-27.
39. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 4* [The Soviet Historical Encyclopedia. Vol. 4]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1963. 1072 col.
40. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 10* [The Soviet Historical Encyclopedia. Vol. 10]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1967. 1040 col.
41. *Sovetskij soyuz v borbe za mir* [The Soviet Union in the Struggle for Peace]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 343 p.
42. *Sovetskij enciklopedicheskiy slovar* [The Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1988. 1600 p.
43. *Spravochnik partijnogo rabotnika. Vyp. 7. Ch. 1* [Handbook of a Party Worker. Iss. 7. Pt. 1]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1930. 599 p.
44. Stalin I.V. *Istoriya vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (bolshevikov). Kratkij kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A Short Course]. Moscow, Izd-vo TsK VKP(b) Pravda, 1938. 352 p.
45. Stalin I.V. *Sochineniya. T. 6* [Works. Vol. 6]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, 1947. 430 p.
46. Stalin I.V. *Sochineniya. T. 11* [Works. Vol. 11]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, 1949. 382 p.
47. Stalin I.V. *Ekonomicheskie problemy socializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 96 p.
48. *Stenograficheskiy otchet VI kongressa Komintern. Vyp. 2* [Verbatim Report of the 6th Congress of the Comintern. Iss. 2]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 203 p.
49. *Stenograficheskiy otchet VI kongressa Komintern. Vyp. 6* [Verbatim Report of the 6th Congress of the Comintern. Iss. 6]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 199 p.
50. Tarle G.A. *Rol sovetskoy obshchestvennosti v borbe za mir, 1945–1985 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Role of the Soviet Public in the Struggle for Peace, 1945–1985. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1989. 48 p.
51. Taube M.A. Graf L. A. Kamarovskij (nekrolog) [Graf L.A. Kamarovsky (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1913, no. 3, pp. 37-47.
52. Temkin Ya.G. Marksisty i pacifisty (iz opyta vzaimootnoshenij) [Marxists and Pacifists (From the Experience of Relationships)]. *Voprosy istorii KPSS* [Questions of the History of the CPSU], 1987, no. 8, pp. 56-68.
53. Trockij L.D. *Pyat let Komintern* [Five Years of the Comintern]. Moscow, Gos. izd-vo, 1924. 612 p.
54. *Enciklopedicheskiy slovar t-va «Br. A. i I. Granat i K°»*. T. 31 [Granat Encyclopedic Dictionary. Vol. 31]. Moscow, T-vo «Br. A. i I. Granat i K°», 1915. 640 col.

Information About the Author

Nikolay Yu. Nikolaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Engelsa St, 42a, 404121 Volzhsky, Russian Federation, nikcam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9878-4397>

Информация об авторе

Николай Юрьевич Николаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, ул. Энгельса, 42а, 404121 г. Волжский, Российская Федерация, nikcam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9878-4397>